

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья

УДК 930

doi: 10.17223/19988613/98/13

Критика концепции «Крестьянских войн в России» в западной историографии

Виктор Яковлевич Мауль

Тюменский индустриальный университет, Нижневартовск, Россия, VYMaul@mail.ru

Аннотация. Рассматривается полемика между советскими и западными историками вокруг концепции «Крестьянских войн в России». Показано, что концепция начала складываться в 1930-е гг., а окончательно сформировалась в 50–70-е гг. XX вв. Взгляды советских историков сразу вызвали поток критических публикаций в западной историографии. Не принимая марксистскую теорию классовой борьбы, западные историки не согласились с тем, что крупнейшие народные восстания в России XVII–XVIII вв. были крестьянскими войнами. При этом западные ученые критиковали концепцию «Крестьянских войн в России» не с теоретических, а с фактологических позиций. Делается вывод, что изучаемая критика оказалась безрезультатной, так как невозможно развенчать марксистскую концепцию, занимая иные (немарксистские) методологические позиции. Современная практика употребления понятия «крестьянская война» не имеет никакого отношения к концепции «Крестьянских войн в России».

Ключевые слова: крестьянские войны в России, марксизм, советская историография, западная историография, научная полемика, современные подходы

Для цитирования: Мауль В.Я. Критика концепции «Крестьянских войн в России» в западной историографии // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 113–120. doi: 10.17223/19988613/98/13

Original article

Criticism of the concept of “Peasant Wars in Russia” in Western historiography

Viktor Ya. Maul

Industrial University of Tyumen, Nizhnevartovsk, Russian Federation, VYMaul@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to identify the features and analyze the views of Western historians on the concept of "Peasant Wars in Russia", formulated by Soviet historical science in the period from the 1930s to the 1970s on the basis of the Marxist methodology of history. For the first time, such a goal becomes the subject of special scientific research. The article examines the controversy between Soviet and Western historians around the concept of "Peasant Wars in Russia." It is shown that the concept began to take shape in the 1930s. It was finally formed in the 50-70s of the XX century. The views of Soviet historians immediately caused a flood of critical publications in Western historiography. The research's source base consists of monographs and articles by American, French, German, British, Canadian, and Italian historians published abroad or translated into Russian. Without accepting the Marxist theory of class struggle, Western historians did not agree that the largest popular uprisings in Russia in the 17th and 18th centuries were peasant wars. At the same time, Western scientists criticized the concept of "Peasant Wars in Russia" not from theoretical, but from factual positions. It is concluded that the criticism under study proved to be ineffective, since it is impossible to debunk the Marxist concept by taking other (non-Marxist) methodological positions. The modern practice of using the term "peasant war" has nothing to do with the concept of "Peasant Wars in Russia".

Keywords: peasant wars in Russia, Marxism, Soviet historiography, Western historiography, scientific polemics, modern approaches

For citation: Maul, V.Ya. (2025) Criticism of the concept of “Peasant Wars in Russia” in Western historiography. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History.* 98. pp. 113–120. doi: 10.17223/19988613/98/13

Как не раз отмечалось в историографии, одной из важных задач изучения народных движений в дореволюционной России является разработка их типологии. Сторонники ее создания считают, что она могла бы стать инструментальным средством для приведения в единую систему координат множества разнообразных способов социальной борьбы – от индивидуальных побегов простолюдинов и поджогов барских усадеб до массовых вооруженных выступлений сотен и тысяч участников. На таком познавательном фундаменте можно было бы, например, проводить комплексные сравнительно-исторические обобщения типологически родственных протестных выступлений, вспыхивавших в разные времена или даже в разных странах. Однако периодические попытки историков разработать сколь-нибудь приемлемую и универсальную классификацию, как правило, заканчивались, неудачей, не получая широкой поддержки со стороны ученого сообщества. Достаточно вспомнить судьбу тщательно выверенной, но оставшейся невостребованной в науке типологии, предложенной О.Г. Усенко еще в середине 1990-х гг. [1. С. 5–9].

В то же время сам О.Г. Усенко едва ли был прав, утверждая, что «советская историография не оставила нам в наследство разработанной и общепризнанной типологии социального протеста» [1. С. 6]. Напротив, заслуга именно отечественных историков – создание, теоретическое обоснование и эмпирическая проверка таковой классификации, которая в советской историографии приобрела неоспоримое значение. Имеется в виду, что законченным выражением марксистского понимания истории народной борьбы стала концепция «Крестьянских войн в России» в отличие от других форм народного протеста. Если на раннем этапе становления, в 1930-е гг., по выражению С.А. Пионтовского, появлявшиеся тогда работы, «являясь развитием взглядов Энгельса», свидетельствовали лишь о том, что понемногу «марксистская историография изживает свои прежние ошибки и усваивает учение классиков марксизма о крестьянских войнах» [2. С. 114], то в 1950–1970-е гг. концепция приняла стройный канонический вид. В сложившемся варианте она вошла в школьные и вузовские учебники по истории СССР, определенным образом сформировав исторические взгляды нескольких поколений советских граждан, в первую очередь профессиональных историков. Прочность впитанных тогда представлений заметна в том, что и по сегодняшний день, несмотря на отказ от установок марксистской методологии, понятие крестьянских войн не исчезло из арсенала исторической науки.

Цель статьи заключается в выявлении особенностей и анализе взглядов западных историков на концепцию «Крестьянских войн в России», на основе марксистской методологии истории сформулированную советской исторической наукой в период с 1930-х по 1970-е гг. Подобная цель впервые становится предметом специального научного исследования.

В трудах советских историков было отмечено, что разработкой и обоснованием новой типологии советская историческая наука противопоставила себя «как дореволюционной русской дворянско-буржуазной, так

и современной буржуазной историографии, для которой <...> общей чертой является резко отрицательный взгляд на крестьянские войны как на “бунт бессмысленный и беспощадный”» [3. С. 3]. В результате проделанной работы советские историки пришли к пониманию, что крестьянские войны – это разновидность гражданских войн, раскалывающих общество на два противоположных лагеря. Они отличались от многочисленных локальных протестов рядом существенных признаков. Во время крестьянских войн «восстанием охвачена значительная территория, переходящая под контроль восставших, имеющих большую повстанческую армию, когда у восставших есть в известной мере единый центр и единое военно-политическое руководство, вносящие определенные элементы организованности в стихийное в целом народное движение. В ходе крестьянских войн происходит борьба за власть в общегосударственном масштабе, за ниспровержение феодально-крепостнического строя, за “землю и волю”, т.е. объективно за новый в исторической перспективе общественный строй» [4. С. 79]. Поэтому, по словам В.В. Мавродина, крестьянским войнам в России «не свойственны ни переговоры восставших с феодалами по поводу форм и содержания уступок, ни компромиссы» [5. С. 308].

Считая «крестьянские войны» высшей формой классовой борьбы при феодализме, советские историки отмечали, что они были характерны только для позднего этапа его развития (XVII–XVIII вв.), когда противоречия феодальной формации между крестьянами и феодалами предельно обострились [6. С. 5]. Именно крестьянство признавалось движущей силой крестьянских войн, застрельщиками которых выступали казаки (донские, яицкие и иные). К крестьянско-казачьим массам примыкало трудящееся население других угнетенных классов России. В качестве негативных факторов отмечались стихийность выступлений и локальность повстанческих действий, недостаточная организованность, так называемые «царистские иллюзии», т.е. идеологическая незрелость участников, в силу которой во время «крестьянских войн» против царя на троне они боролись «во главе со своим “хорошим”, “мужицким” царем» [5. С. 308].

В ходе и результате дискуссий в итоговый реестр «крестьянских войн» были отнесены четыре восстания: под предводительством И.И. Болотникова (1606–1607), С.Т. Разина (1667–1671), К.А. Булавина (1707–1709) и Е.И. Пугачева (1773–1775), хотя относительно их хронологических рамок имелись определенные разногласия. При наличии специфических черт они признавались типологически тождественными «крестьянским войнам» на Западе и Востоке, что, помимо прочего, доказывало всемирно-исторический характер развития человечества, неотъемлемой частью которого представляла Россия.

Знакомство с вопросом доказывает, что с точки зрения марксистской методологии концепция «Крестьянских войн в России» выглядит едва ли не безупречным теоретическим построением, не единожды проверенным конкретно-историческими исследованиями. Искать в ней уязвимые места можно, лишь встав

на принципиально иные методологические позиции. Но тогда критика концепции «Крестьянских войн» превращается в спор не о народных движениях в России, а по поводу достоинств или недостатков разных методологий. Разрешить названное противоречие западная историография не сумела, лишь априорно допустив превосходство немарксистского взгляда на историю русского бунтарства. Так, французский историк Андре Берелович, чьим взглядам «в последние годы отдает предпочтение значительная часть историков за пределами России» [7. С. 4], прямо писал о необходимости избавиться от «теорий, разработанных ушедшими историографиями», каковой, по его мнению, «является теория “крестьянской войны”», наиболее «распространенная в русскоязычных работах и, в свою очередь, в западноязычных, которые, как правило, стремятся ее опровергнуть» [8. Р. 38].

В условиях непримиримого противоборства двух общественно-политических систем социализма и капитализма даже научные дискуссии приобретали тогда отчетливо выраженный политизированный характер, воспринимались, как бои «на историческом фронте». Неслучайно среди их заграничных участников многие принадлежали к эмигрантской среде в каком-либо из поколений. Что касается советских историков, они не скрывали, что с момента возникновения концепция «Крестьянских войн в России» была прямо направлена против так называемых «дворянско-буржуазных фальсификаций» истории народных масс, в том числе против трактовок и интерпретаций западной историографии. Неудивительно, что характер и результаты изучения темы советскими учеными стали объектом ревизии со стороны зарубежных русистов. Не приняв (а отчасти и не поняв) теоретическую составляющую советской историографии, они развернули полемику о концепции «Крестьянских войн в России» не с методологических, а с фактологических позиций, что сразу подчеркнуло их уязвимость. Тем более что с историческими фактами они не всегда были в ладах. Справедливости ради признаюсь, что не все из них заняли недружественную позицию. В частности, американский историк Пол Эврич (автор фундаментальной монографии о русских бунтах с 1600 по 1800 г.) осторожно признавал, что «называть эти восстания либо казацкими мятежами, либо крестьянскими разбоями <...> было бы неверно». «Восстание Разина, по сути, было крупнейшей жакерией в Европе в XVII в. точно так же, как восстание Пугачева – крупнейшее в XVIII в. до Французской революции. Так что название “крестьянские войны”, каким бы неточным оно ни было, на самом деле вполне передает суть восстаний. Кроме того, многие их участники <...> были, по сути, крестьянами, лишь недавно оторванными от земли и сохранившими свои сельские привычки» [9. Р. 6, 5]. Более решителен французский историк Роже Порталь в оценке пугачевского выступления: «Следует заметить, – писал он, – что на всех событиях 1773–1774 г. чувствуется крестьянское влияние. Пугачевщину справедливо называют крестьянской войной» [10. С. 195].

И все же большинство иностранных историков встретили советскую концепцию в штыки. По оценкам

К. Шарфа, они критически отнеслись к тому, «что советская историография, вслед за Энгельсом и Лениным, догматически идентифицировала все крупные восстания низших слоев в России раннего Нового времени как “крестьянские войны”, отражающие рост классовой борьбы в феодальном обществе» [11. С. 102–103]. Критические публикации стали появляться еще в 1950-е гг., когда новая концепция только начала заявлять о себе сколько-нибудь конкретно, и периодически появлялись в последующие десятилетия, не исключая 2000-х гг., когда о советской историографии осталось лишь «воспоминание».

На неприемлемость и недостаточную аргументированность концепции «Крестьянских войн в России» одним из первых на Западе указал американский историк Лео Яреш. Он подчеркнул, что советская историческая наука лишь четыре движения рассматривает в качестве крестьянских войн. Причем согласился, что «термин “война” вполне применим к ним, поскольку это была вооруженная борьба за власть в российском государстве». Однако вопрос о том, «были ли они на самом деле крестьянскими войнами, – казался Л. Ярешу гораздо сложнее, – и механический перенос постулатов Энгельса на совершенно иные условия России XVII–XVIII вв. только мешает решению этого вопроса. Дело в том, что социальный состав участников вооруженных восстаний Болотникова, Разина, Булавина и Пугачева был далеко не однороден, и крепостное крестьянство было лишь одной из их составляющих. Более того, вопрос о том, являлось ли крестьянство основным и решающим компонентом в рядах бунтовщиков» виделся Л. Ярешу по меньшей мере дискуссионным [12. Р. 243]. Но тут же он сам категорично зарубал гордиев узел предполагаемых сомнений заявлением, что «главными и наиболее влиятельными элементами в этих восстаниях» всегда были казаки, и именно «казачьи, а не крестьянские отряды имели решающее значение в чисто военном отношении» [12. Р. 243]. Дескать, и цели восставших были далеко не крестьянскими, а казачьими, и даже «уничтожение крепостного права никогда прямо не провозглашалось лидерами различных повстанческих соединений» [12. Р. 245]. Все это позволило Л. Ярешу резюмировать, что названные протестные движения «были скорее “казачьими войнами” или, возможно, “казачье-крестьянскими войнами”», но никак не «крестьянскими войнами», каковой термин «недопустим применительно к России» [12. Р. 258].

Заметим, что тезис ученого о казачьем характере названных восстаний в дальнейшем получил более глубокое обоснование, став одной из доминантных типологий в западной историографии, реагируя на которую канадско-британский историк Филипп Лонгуорт вдумчиво заметил: «Преобладание казаков в руководстве не следует объяснять просто тем фактом, что они инициировали восстание. Как казаки они обладали некоторым военным опытом, позволявшим им быть лидерами в крестьянской войне, в то время как склонность крестьян идеализировать казаков в качестве героев-освободителей и даже как своих защитников становилась для тех дополнительным преимуществом» [13. Р. 194].

Отрицая прогрессивное значение крестьянских войн в России, Л. Яреш считал сомнительным положение «о том, что рост крестьянской борьбы был той силой, которая определяла развитие феодализма» [12. Р. 255]. И задавался ироничным вопросом: «Кто готов поверить, что победа Разина или Пугачева привела бы к установлению капиталистической экономики и буржуазной демократии? Не гораздо ли вероятнее, – заключал он, – что пугачевские “генералы” и “полковники” в случае победы просто захватили бы поместья побежденного русского дворянства?» [12. Р. 258]. Не без оснований считая взгляды советских историков полными нестыковок, Л. Яреш полагал, что вскоре им «придется искать более сложные средства для “диалектического” примирения» своих противоречивых позиций [12. Р. 259]. В этом отношении американский историк несколько не ошибся, ибо в последующие десятилетия советская историческая наука существенно продвинулась вперед в изучении «Крестьянских войн в России».

К выяснению проблемы, но на примере разинского восстания, обратился другой американский историк Майкл Ходарковский. Отметив, что с середины 1930-х гг. «в советской историографии события 1670–1671 гг. неизменно назывались крестьянской войной», он по итогам проведенного исследования убедил себя, что «понятие “крестьянская война” в большей степени вводит в заблуждение», нежели проясняет познавательную ситуацию с изучением народных движений. Это понятие, считает М. Ходарковский, должно было бы означать, «что в восстании доминировали крестьяне как однородная группа, в то время как на самом деле социальное происхождение повстанцев было весьма пестрым. Он (термин «крестьянская война». – *В.М.*) также предполагает, что движение носило классовый характер, игнорируя при этом его этнический состав и широкую антиэлитарную основу. Кроме того, предполагается, что крестьяне обладали гораздо большим чувством корпоративной солидарности, чем это было возможно в Московии XVII в. На самом деле такая общая идентичность сформировалась у русских крестьян лишь в XIX столетии» [14. Р. 19]. В действительности, по мнению М. Ходарковского, движение изначально носило казачий характер, и «казаки оставались его ядром» даже тогда, когда масштабы восстания возросли, оно охватило Среднее Поволжье и к нему присоединилось нерусское население региона, включая «некоторых представителей местной знати». Совершенно не случайно, считает М. Ходарковский, что вообще «все крупные восстания, сотрясавшие российское общество на протяжении XVII и XVIII вв., были начаты казаками» [14. Р. 18]. Еще один неоспоримый довод против признания Разинщины «крестьянской войной» М. Ходарковский видел в ее сравнении с «крестьянскими восстаниями в Германии XVI в. или Швейцарии XVII в., где крестьяне были организованы до такой степени, чтобы выдвигать конкретные требования». В то время как у разинцев соответствующие лозунги, «которые могли бы свидетельствовать о существенном влиянии крестьянства на характер разинского восстания» отсутствовали [14. Р. 18]. По названным

причинам историк полагает, что характеристика событий 1670–1671 гг. «как “народного восстания”, по-видимому, более точно отражает природу этого выступления» [14. Р. 19].

Несмотря на высокий критический накал зарубежных публикаций, обычно речь все же не шла об огульном отрицании как такового научного вклада отечественных ученых. Например, упоминавшийся А. Берелович в публикации 2005 г. высказался в их адрес достаточно комплиментарно: «Факты, приводимые в подтверждение их тезиса, не вызывают и тени сомнения. Какой бы искусственной ни была изложенная выше теория, она не помешала советским историкам написать ценные работы. Существует, – пишет А. Берелович, – множество свидетельств тихой, бескровной борьбы, постоянно ведущейся между землевладельцами и земледелцами. Местные крестьянские восстания <...> повторялись с удивительной регулярностью <...>, не переставая беспокоить власти. Наконец, от похода Болотникова (1606–1607) до Пугачева, через Разинское и Булавинское восстания, мы видим восходящую кривую этих широкомасштабных конфликтов, названных советскими историками “крестьянскими войнами”». Тем не менее французский исследователь также предпочел поставить под сомнение «сам факт того, что это были “крестьянские войны”» [8. Р. 49]. В поисках доказательств на материалах пугачевского движения он призывает «обратиться к количественному подходу, который является самым простым» для того, чтобы «оценить удельный вес крестьян в войсках Пугачева». После беглой инвентаризации социального состава пугачевцев [8. Р. 38–46] А. Берелович убедился в численном преобладании крестьянства и, во-первых, вынужден был сделать важную оговорку, что это были по преимуществу «заводские крестьяне», то есть доиндустриальный пролетариат, а во-вторых, подчеркнул их ведомую роль в восстании и отсутствие крестьянского представительства в повстанческих органах управления: «Из двадцати одного человека, включая Пугачева, членов его Военной коллегии <...> только один был владельческим крепостным, Илья Арапов» [8. Р. 50]. Для подкрепления своих суждений А. Берелович дополнительно обращается к «качественному подходу», основанному на оценке тактики боевых действий повстанцев: «Пугачев, по сути, вел кавалерийскую войну, где непредсказуемые и победоносные набеги чередовались со столь же внезапными поражениями. Иначе говоря, он сражался по-казачьи» [8. Р. 50]. Выделяя заглавную роль казаков в Пугачевщине, А. Берелович с сарказмом вопрошает: «Если Пугачевское восстание было крестьянской войной, почему же оно было последним? С 1774 по 1861 г. и далее вплоть до 1917 г. в России происходили лишь локальные выступления, <...> хотя причины восстания 1773–1774 гг. нигде не исчезли». Все дело в том, поучает он оппонентов, что им не хватало «одного решающего фактора: независимых казачьих войск больше не существовало». Это, в его глазах, с очевидностью означает, что «так называемые крестьянские войны на самом деле были казачьими войнами – не только потому, что их начали казаки или потому что они составляли костяк

войск, но и потому, что они были логическим продолжением казачьего образа жизни, основанного на грабежах» [8. Р. 51]. Какие уж там крестьянские войны, когда А. Берелович не видит никаких принципиальных отличий казаков «от других сообществ грабителей, более или менее современных им: ускоков из Сеня на Адриатике, которые пользовались хроническим состоянием войны между Габсбургами и османами, или флибустьеров с острова Тортуга, которые использовали кратковременное равновесие сил в Вест-Индии между англичанами, испанцами и французами» [8. Р. 43]. Попутно замечу, что подобные уничижительные «разбойничьи» аналогии (в духе Э. Хобсбаума) в целом характерны для западных русистов. Например, Ф. Лонгуорт, называя казаков «военной кастой», также сравнивает их «с секлерами, гайдуками и ускоками в славянских регионах, расположенных дальше к западу» [13. Р. 194]. Возвращаясь же к рассуждениям А. Береловича, приведу тот максимум, на который готов согласиться французский историк: «Можно говорить о сотрудничестве, даже о братстве по оружию между людьми, чьей профессией была война, но уж точно не о своеобразном интернационале народов в борьбе против царизма» [8. Р. 51].

Нетривиальный взгляд на проблему сравнительно недавно предложил итальянский историк Марко Наталици. Он признает советскую концепцию «Крестьянских войн в России» сыгравшей свою положительную роль, но уже устаревшей познавательной схемой. «Схема классовая борьба в советской историографии, в течение нескольких десятилетий дававшая ключ к пониманию смысла восстания, была признана неадекватной для изучения явления во всей его сложности. Утвердившаяся в 1920-х гг. и доминировавшая полвека, эта схема сводится к двум фундаментальным понятиям: социальному определению пугачевщины как величайшей из «крестьянских войн», когда-либо происходивших в России, и ее прогрессивной роли, поскольку в ходе бунта в российских народных массах возникли первые зародыши революционного сознания» [7. С. 4]. При этом М. Наталици не идеализирует и доминирующие в зарубежной науке модели и подходы. Имея в виду главным образом восстание под предводительством Пугачева, он полагает, что накопленный опыт ставит «перед историками два вопроса, представляющих большой интерес. Первый касается устойчивости некоторых категорий, недавно использовавшихся в западноевропейской историографии для интерпретации движения, таких как «фронтирный бунт» или «казачье восстание», а второй предполагает пересмотр «политического» характера Пугачевщины и ее «программы»» [15. Р. 68]. Нащупывая перспективные пути к смыслополаганию русского бунтарства, М. Наталици считает неслучайным, что новейшие исследования «позволяют осознать невозможность выделения единой казачьей идеологии и единого руководства, а сталкивают нас со сложностью процессов восстания, показывая уровень и артикуляцию участия в нем нерусских этнических групп, расселенных между средним течением Волги, Камы и Урала» [15. Р. 69]. Значению последних, не умаляя ведущей роли казаков

и башкир в пугачевском бунте, М. Наталици уделяет повышенное внимание. Он пишет, что «жесткое отождествление души восстания с этими двумя группами (особенно с казаками) привело к интерпретации, в которой в итоге оказалось мало что в пользу этнических и религиозных соображений». Именно их, на взгляд М. Наталици, не хватает историкам для «правильной оценки «политического» характера восстания, того многообразного клубка представлений отдельных групп или этносов о своем месте в государственном устройстве России, в рамках которого возникает и утверждается специфическая форма «видения», лежащая в основе Пугачевщины» [15. Р. 69]. Впрочем, анализ построений итальянского историка несколько отдаляет нас от главной сюжетной линии повествования.

Пытаясь оценить доказательную мощь критиков концепции «Крестьянских войн в России», необходимо подчеркнуть, что основная их слабость заключалась в невозможности подтвердить или опровергнуть марксистские догмы с немарксистских позиций, отчасти подтверждая правоту М. Наталици по поводу пугачевского бунта, что «распространенные в западной историографии схемы и периодизации <...> слишком поверхностно отрицают какой-либо «крестьянский» характер Пугачевщины» [15. Р. 69]. Здесь будет уместным напомнить откровения англо-испанской исследовательницы Изабель Мадариаги о том, что «восстанию Пугачева отводится уж слишком «прогрессивная» роль согласно марксистской схеме, с чем немарксист никогда не согласится» [16. С. 435]. Думается, эти признания можно распространить за пределы одного лишь пугачевского бунта, чтобы понять заданность трактовок иностранных ученых. Логический тупик образуется, например, когда зарубежные историки настаивают на доминирующей роли не крестьян, а казаков в так называемых крестьянских войнах, на что их советские контрагенты справедливо указывали на крестьянские корни казачества: «...казаки были в основном выходцами из крепостных крестьян, бежавших <...> на окраины в поисках лучшей доли» [4. С. 80]. И с таким очевидным резонансом тоже ведь сложно не считаться, как это и делали отдельные дальновидные представители западной историографии. Например, по характерному признанию П. Эврича, действительно «многие казаки-повстанцы сами были беглыми крепостными» [9. Р. 5].

В противовес теоретическому детищу советских ученых их иностранные оппоненты, подобно немецкому историку Гансу-Генриху Нольте, нередко утверждают, что «крупные восстания в России XVII–XVIII вв. называются крестьянскими волнениями – и даже, более того, крестьянскими войнами – по недоразумению», поскольку это были никакие не крестьянские войны, а «восстания простонародья внутренних российских окраин» [17. С. 36]. Причем Г.-Г. Нольте отнюдь не одинок и не был пионером подобных типологических построений. Акцентирование периферийного значения крупнейших народных бунтов в России вообще распространено на Западе. «Фронтирной жакетерией» красиво назвал Пугачевщину большой знаток темы американский историк Джон Т. Александер [18.

Р. 617]. Его соотечественник и коллега Марк Раефф рассуждал в полном согласии с ним: «На наш взгляд, пугачевское восстание было "фронтирным" и казачьим явлением, а его руководители так и не осознали возможностей, которые им предоставили бунт крепостных и открытое выступление против Москвы» [19. С. 71]. Не соглашаясь с правомочностью таких оценок, советские историки возражали: «Дело не в том, что крестьянские войны были борьбой "колоний" <...> с "метрополией". Причину этого явления следует искать в укреплении власти феодалов в центре, ибо крестьянская война начиналась не там, где народным массам жилось хуже всего, а там, где они могли встретить наименьшее сопротивление со стороны государства» [5. С. 318].

Серьезной проверкой концептуальной прочности «Крестьянских войн» мог бы стать неоднократно звучавший упрек в недостаточном учете всей пестроты национального состава повстанцев и целеполагания их действий, а также якобы сокращение значительных противоречий между ними. Впрочем, американский историк Алан Боджер признает, что «большое разнообразие в степени и способах участия коренных народов в восстании затрудняет выработку единой интерпретации их роли» [20. Р. 566]. По этому поводу он заметил, что лишь в годы «оттепели» и ненадолго советскими учеными «реальная сложность проблемы начала признаваться, если не полностью высвобождаться из прокрустового ложа идеологии» [20. Р. 568]. Призывая к «дальнейшему уточнению понятий "социальный" и "национальный"», А. Боджер не соглашается с утверждением, «что все "национальное" в конечном счете имеет социально-экономическую природу» [20. Р. 580]. Анализируя этническую составляющую пугачевского движения, исследователь выразил надежду, что реальный прогресс «в раскрытии этих областей неизбежно приведет к переоценке восстания в целом, особенно его и без того сомнительного определения как "крестьянской войны"» [20. Р. 581]. Между тем советские историки ничего не скрывали и не игнорировали, просто, в отличие от западных ученых, предпочитали уделять внимание не тому, что разъединяло национальные группы восставших, а тому, что их сближало – общим корням ненависти трудящихся всех народов к эксплуататорам. По какой причине, отмечали они, в многонациональной России в ходе «крестьянских войн» происходило слияние «классовой борьбы русских крестьян, посадских людей, холопов, рабочих людей, казаков с классовой и освободительной борьбой трудового люда нерусских народностей» [5. С. 310].

Бесчисленное множество соответствующих примеров говорит за то, что выполнить задачу теоретического развенчания концепции «Крестьянских войн в России» немарксистская историческая наука не смогла, несмотря на усилия немалой когорты энтузиастов и сотни публикаций. И все же их успех очевиден, своей критикой они во многом определили трансформацию российской историографии конца XX – начала XXI в., практически исключившей из своего арсенала марксистское наследие, теорию ОЭФ и вместе с ними кон-

цепцию «Крестьянских войн в России». Неслучайно, по словам Д.В. Сеня, «многие историки сегодня отказались от понятия "крестьянская война", хотя после 1991 г. некоторые из них признавали / признают за ним определенный эвристический потенциал» [21. С. 228]. А потому, как отметил Н.А. Мининков, часть нынешних бунтоведов (но не все) находит «в России XVII–XVIII вв. только две крестьянские войны, к которым относят восстания под предводительством С. Разина и Е. Пугачева. При этом оба восстания рассматриваются в качестве крестьянских войн лишь на определенном этапе своего развития, когда они распространились на территории, заселенные крепостными крестьянами» [22. С. 32].

Подобные гносеологические пертурбации побудили английского историка Морин Перри обратить внимание на наметившуюся тенденцию смысловой подмены концепта, применяемого в наше время «в различных контекстах» – не только по отношению к XVII–XVIII вв., но и «для описания крестьянского движения в революциях 1905–1907 и 1917 гг., а также крестьянских восстаний против советского государства в 1918–1922 гг.». Словно забыв о вкладе советских историков, она утверждает, будто причина сему в том, что ученым «часто не удавалось дать четкого определения этому понятию», хотя все же «споры вокруг его использования подняли много интересных вопросов, касающихся роли крестьянства в народных восстаниях и революциях как в самой России, так и в сравнительном ракурсе» [23. С. 41].

Подтверждая наблюдательность английской исследовательницы, многие историки наших дней, подобно Н.А. Мининкову, действительно предлагают не спешить с отказом от положения о крестьянской войне, так как оно будто бы вполне годится «для выражения социальной сущности массовых выступлений крестьян в Гражданской войне 1918–1921 гг., в том числе движения крестьян Южной Украины во главе с Нестором Махно и восстания тамбовских крестьян 1921 г. под предводительством эсера Александра Антонова» [24. С. 18]. Заметим, что «Антоновщину» «крестьянской войной» называют многие современные исследователи [25. С. 21; 26. С. 330]. Притом совершенно очевидно, что к Тамбовскому восстанию и другим крестьянским протестам новейшего периода, вспыхнувшим в других исторических условиях, при других обстоятельствах и по иным причинам, никоим образом нельзя применить марксистскую концепцию «Крестьянских войн в России». Нарушение же такого познавательного табу, по сути, подменяет стройную концепцию советской историографии вопросом о преобладании крестьян в вооруженных формированиях, действовавших против власти. Как поступил, например, Ф. Лонгуорт и иже с ним по отношению к пугачевцам: «Подавляющее большинство из них были крестьянами. Отсюда и характеристика движения как "крестьянской войны"» [13. Р. 184]. Это означает, что в подходе ученых вопрос о концепции лукаво подменен вопросом о термине «крестьянская война». Иными словами, выхолащивая классовую сущность «Крестьянских войн в России», авторы исходят не из концептуального их понимания

советскими историками, а из упрощенного терминологического прочтения и количественного подсчета. Как мы видели, именно так на протяжении 1950–2000-х гг. рассуждали западные критики концепции «Крестьянских войн в России». Именно в таком расширительном значении данный термин давно и регулярно звучит со страниц современных научных работ наших и не наших историков (А. Грациози, Д.П. Иванов, Р. Конквест, В.В. Самошкин, Д.А. Сафонов и др.). Подобное словопотребление не несет в себе никакой системообразующей нагрузки, банально констатируя данность: крестьяне воюют против власти, значит это крестьянская война. Но к фундаментально выстроенной марксистской концепции «Крестьянских войн в России» такая поверхностная терминологическая практика не имеет ровно никакого отношения. Соглашусь с историком А.В. Бауэром, сетовавшим о сегодняшнем «чрезмерном упрощении понятия “крестьянская война”, под которой стали пониматься любые крупные крестьянские выступления, прежде всего “Антоновщина” и Западно-Сибирское крестьянское восстание» [27. С. 21]. К сожалению, простая на первый взгляд мысль о несинонимичности понятий концепции «Крестьянских войн в России» и термина «крестьянские войны» осознава-

лась и осознается далеко не всеми историками прошлого и настоящего.

Таким образом, насколько удалось показать, аргументированное опровержение теоретически взвешенных и эвристически обоснованных построений советских историков по поводу «Крестьянских войн в России» оказалось для западной историографии непосильной задачей. Иначе не могло и быть. Отрицание одной методологии в пользу другой всякий раз ограничивает познавательные возможности исторической науки. Давно известно, что каждая из методологий задает свой неповторимый угол зрения на прошлое, и только их совокупное множество в идеале способно обеспечить адекватное изучение истории народных движений в дореволюционной России. Но если взорвать научные бастионы советских историков-марксистов представителям западной историографии не удалось, то к числу ее несомненных заслуг нужно отнести выявление новых нестандартных решений, познавательных ракурсов, схем и моделей вкуче с неожиданными альтернативными путями постижения русского бунта без оглядки на марксистскую концепцию «Крестьянских войн в России». Однако их обзор – специальная задача для отдельного исследования.

Список источников

1. Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII вв. Тверь : ТвГУ, 1994. Ч. 1. 74 с.
2. Пионтковский С.А. Историография крестьянских войн в России // Историк-марксист. 1933. № 6 (34). С. 80–119.
3. Предисловие // Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подьяпольская Е.П., Мавродин В.В. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 3–5.
4. Буганов В.И. Советская историография крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева // Вестник Академии наук СССР. 1974. № 9. С. 75–85.
5. Мавродин В.В. Советская историческая наука о крестьянских войнах в России // Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подьяпольская Е.П., Мавродин В.В. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 292–327.
6. Черепнин Л.В. Об изучении крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. (к теории проблемы) // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М. : Наука, 1974. С. 5–25.
7. Наталзи М. Восстание Пугачева в историографии Центральной и Западной Европы первой четверти XXI века // Российская история. 2023. № 6. С. 3–12.
8. Berelowitch A. Une jacquerie moderne: la révolte de Pougatchëv (17 septembre 1773 – 15 septembre 1774) // Revue Russe. 2005. № 27. P. 37–59.
9. Avrich P. Russian Rebels 1600-1800. New York : Schocken Books, 1972. 309 p.
10. Порталь Р. Урал в XVIII веке: очерки социально-экономической истории. Уфа : Гилем, 2004. 287 с.
11. Шарф К. Пугачев: император между периферией и центром. К постановке проблемы // Ab Imperio. 2003. № 1. С. 99–112.
12. Yaresh L. The “Peasant Wars” in Soviet Historiography // American Slavic and East European Review. 1957. Vol. 16, № 3. P. 241–259.
13. Longworth Ph. Peasant Leadership and the Pugachev Revolt // The Journal of Peasant Studies. 1975. № 2. P. 183–205.
14. Khodarkovsky M. The Stepan Razin Uprising: Was It a “Peasant War”? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1994. Bd. 42 (1). S. 1–19.
15. Natalizi M. Emel’jan Ivanovič Pugačëv: una rilettura // Storic. 2010. № 47. P. 61–102.
16. Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 976 с.
17. Нольте Г.-Г. Русские «крестьянские войны» как восстания окраин // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 31–38.
18. Alexander J.T. Recent Soviet Historiography on the Pugachev Revolt: A Review Article // Canadian Slavic Studies. 1970. Vol. IV (3). P. 602–617.
19. Раев М. Восстание Пугачева // Башкирия в XVI–XIX вв.: зарубежные исследования. СПб. : Свое издательство, 2014. С. 42–78.
20. Bodger A. Nationalities in History Soviet Historiography and the Pugačëvščina // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1991. Bd. 39 (4). P. 561–581.
21. Сень Д.В. Народное движение под предводительством С.Т. Разина в историографии середины 1990-х – 2000-х гг. (Новый этап изучения или «Тема закрыта»?) // Историческая экспертиза. 2021. № 3. С. 223–254.
22. Мининков Н.А. Традиции и перспективы изучения массовых народных движений в России XVII–XVIII веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 2. С. 26–35.
23. Perrie M. The Concept of a “Peasant War” in Soviet and Western Historiography of the “Troubles” in Early 17th-Century and Early 20th-Century Russia // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 2. С. 36–43.
24. Мининков Н.А. Слова и смыслы. Народные движения в понятиях общества и историков // Новое прошлое. 2021. № 2. С. 8–26.
25. Безгин В.Б. Крестьянское движение в годы гражданской войны на территории Центрального Черноземья: состояние и проблемы современной историографии // Манускрипт. 2018. № 9 (95). С. 19–23.
26. Иванов Д.П. Мотивы участия крестьян в Тамбовском восстании 1920–1921 гг. // Крестьянский фронт 1918–1922 гг. : сб. ст. и материалов. М. : АИРО-XXI, 2013. С. 330–349.
27. Бауэр А.В. Термин «крестьянская война»: вчера, сегодня... завтра? // Европа в средние века и новое время: общество, власть, культура. Ижевск : Изд-во Ижевск. ин-та компьютерных исслед, 2019. С. 17–23.

References

1. Usenko, O.G. (1994) *Psikhologiya sotsial'nogo protesta v Rossii XVII–XVIII vv.* [Psychology of Social Protest in Russia in the 17th–18th Centuries]. Vol. 1. Tver: Tverskoy gosudarstvennyy universitet.
2. Piontkovskiy, S.A. (1933) *Istoriografiya krest'yanskikh voyn v Rossii* [Historiography of Peasant Wars in Russia]. *Istoriik-marksist.* 6(34). pp. 80–119.
3. Smirnov, I.I. et al. (1966) *Predislovie* [Preface]. In: Smirnov, I.I., Mankov, A.G., Podyapolskaya, E.P. & Mavrodin, V.V. *Krest'yanskije voyny v Rossii XVII–XVIII vv.* [Peasant Wars in Russia in the 17th–18th Centuries]. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 3–5.
4. Bugarov, V.I. (1974) *Sovetskaya istoriografiya krest'yanskoj vojny pod predvoditel'stvom E.I. Pugacheva* [Soviet Historiography of the Peasant War Led by E.I. Pugachev]. *Vestnik Akademii nauk SSSR.* 9. pp. 75–85.
5. Mavrodin, V.V. (1966) *Sovetskaya istoricheskaya nauka o krest'yanskikh voynakh v Rossii* [Soviet Historical Science on Peasant Wars in Russia]. In: Smirnov, I.I., Mankov, A.G., Podyapolskaya, E.P. & Mavrodin, V.V. *Krest'yanskije voyny v Rossii XVII–XVIII vv.* [Peasant Wars in Russia in the 17th–18th Centuries]. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 292–327.
6. Cherepnin, L.V. (1974) *Krest'yanskije voyny v Rossii XVII–XVIII vekov: problemy, poiski, resheniya* [Peasant Wars in Russia in the 17th–18th Centuries: Problems, Searches, Solutions]. Moscow: Nauka. pp. 5–25.
7. Natalizi, M. (2023) *Vosstanie Pugacheva v istoriografii Tsentral'noj i Zapadnoj Yevropy pervoj chetverti XXI veka* [The Pugachev Rebellion in the Historiography of Central and Western Europe in the First Quarter of the 21st Century]. *Rossiyskaya istoriya.* 6. pp. 3–12.
8. Berelovitch, A. (2005) *Une jacquerie moderne: la révolte de Pougatchëv (17 septembre 1773 – 15 septembre 1774).* *Revue Russe.* 27. pp. 37–59.
9. Avrich, P. (1972) *Russian Rebels 1600–1800.* New York: Schocken Books.
10. Portal, R. (2004) *Ural v XVIII veke: ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii* [The Urals in the 18th Century: Essays on Socio-Economic History]. Ufa: Gilem.
11. Scharf, K. (2003) *Pugachev: imperator mezhdru periferiej i tsentrom. K postanovke problemy* [Pugachev: Emperor Between Periphery and Center. Towards Defining the Problem]. *Ab Imperio.* 1. pp. 99–112.
12. Yaresh, L. (1957) *The "Peasant Wars" in Soviet Historiography.* *American Slavic and East European Review.* 16(3). pp. 241–259.
13. Longworth, Ph. (1975) *Peasant Leadership and the Pugachev Revolt.* *The Journal of Peasant Studies.* 2. pp. 183–205.
14. Khodarkovsky, M. (1994) *The Stepan Razin Uprising: Was It a "Peasant War"?* *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge.* Bd. 42(1). pp. 1–19.
15. Natalizi, M. (2010) *Emel'jan Ivanovič Pugačëv: una rilettura.* *Storica.* 47. pp. 61–102.
16. Madariaga, I. de (2002) *Rossiya v epokhu Yekateriny Velikoj* [Russia in the Age of Catherine the Great]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
17. Nolte, G.-G. (1994) *Russkije "krest'yanskije voyny" kak vosstaniya okrain* [Russian "Peasant Wars" as Rebellions of the Peripheries]. *Voprosy istorii.* 11. pp. 31–38.
18. Alexander, J.T. (1970) *Recent Soviet Historiography on the Pugachev Revolt: A Review Article.* *Canadian Slavic Studies.* IV(3). pp. 602–617.
19. Raeff, M. (2014) *Vosstanie Pugacheva* [The Pugachev Rebellion]. In: *Bashkirija v XVI–XIX vv.: zarubezhnye issledovaniya* [Bashkiria in the 16th–19th Centuries: Foreign Studies]. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo. pp. 42–78.
20. Bodger, A. (1991) *Nationalities in History Soviet Historiography and the Pugačëvščina.* *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge.* Bd. 39(4). pp. 561–581.
21. Sen, D.V. (2021) *Narodnoe dvizhenie pod predvoditel'stvom S.T. Razina v istoriografii serediny 1990-kh – 2000-kh gg. (Novyy etap izucheniya ili "Tema zakryta"?)* [The Popular Movement Led by S.T. Razin in the Historiography of the Mid-1990s–2000s (A New Stage of Study or "Topic Closed"?)]. *Istoričeskaja ekspertiza.* 3. pp. 223–254.
22. Mininkov, N.A. (2019) *Traditsii i perspektivy izucheniya massovykh narodnykh dvizhenij v Rossii XVII–XVIII vekov* [Traditions and Prospects of Studying Mass Popular Movements in Russia in the 17th–18th Centuries]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya.* 24(2). pp. 26–35.
23. Perrie, M. (2019) *The Concept of a "Peasant War" in Soviet and Western Historiography of the "Troubles" in Early 17th-Century and Early 20th-Century Russia.* *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya.* 24(2). pp. 36–43.
24. Mininkov, N.A. (2021) *Slova i smysly. Narodnye dvizheniya v ponyatiyakh obshchestva i istorikov* [Words and Meanings. Popular Movements in the Concepts of Society and Historians]. *Novoe proshloe.* 2. pp. 8–26.
25. Bezgin, V.B. (2018) *Krest'yanskoe dvizhenie v gody grazhdanskoj vojny na territorii Tsentral'nogo Chernozem'ya: sostoyanie i problemy sovremennoj istoriografii* [Peasant Movement During the Civil War in the Central Black Earth Region: State and Problems of Modern Historiography]. *Manuskript.* 9(95). pp. 19–23.
26. Ivanov, D.P. (2013) *Motivy uchastiya krest'yan v Tambovskom vosstanii 1920–1921 gg.* [Motives for Peasant Participation in the Tambov Rebellion of 1920–1921]. In: *Krest'yanskiy front 1918–1922 gg.* [The Peasant Front 1918–1922]. Moscow: AIRO-XXI. pp. 330–349.
27. Bauer, A.V. (2019) *Termin "krest'yanskaya vojna": vchera, segodnya... zavtra?* [The Term "Peasant War": Yesterday, Today... Tomorrow?]. In: *Yevropa v srednie veka i novoe vremya: obshchestvo, vlast', kul'tura* [Europe in the Middle Ages and Modern Times: Society, Power, Culture]. Izhevsk: Izhevsk Institute of Computer Studies. pp. 17–23.

Сведения об авторе:

Мауль Виктор Яковлевич – доктор исторических наук, профессор Тюменского индустриального университета (Нижневартовск, Россия). E-mail: VYMaule@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Maul Viktor Ya. – Doctor of History, Professor of Industrial University of Tyumen (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: VYMaule@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.10.2025; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 03.10.2025; accepted for publication 15.11.2025